

Линь Муцин была на грани эмоционального срыва. +234 очка Удачи.

В шкатулке лежала нефритовая табличка. Ознакомившись с содержащейся в ней информацией, табличка самоуничтожилась. В сознании Линь Муцин возникло письмо. То самое прощальное письмо, что отец передал ей в детстве. Откуда Цзян Лэ мог знать его содержание? Ведь о нем знала только она сама и никому не рассказывала.

Поиски отца всегда были самой большой навязчивой идеей Линь Муцин. Даже в самой концовке не нашлось и следа отца.

— Учитель, я никогда тебя не обманывал!

— Сегодня же твой день рождения, нужно радоваться. Я знал эту новость уже давно.

Цзян Лэ открыл глаза, улыбаясь. Он слегка поправил прядь волос Линь Муцин. Его красные глаза сияли в свете.

— Откуда ты вообще это узнал?

Линь Муцин пристально смотрела на Цзян Лэ, позволяя ему играть с ее мягкой теплой ладонью.

— Разве я не говорил?

— Учитель, если поцелуешь меня, я, может быть, подумаю и расскажу тебе.

Голос Цзян Лэ был тихим и мягким, он звучал у самого уха Линь Муцин.

Выражение лица Линь Муцин слегка просветлело, но тут же снова стало ледяным.

— Ты обманываешь меня!

— Как я могу верить твоим дьявольским речам, ты, великий демон? Чуть не попала на твои льстивые уговоры. Думаешь, после этого я тебя отпущу?

— В этой жизни я найду его сама!

Цзян Лэ держал руку Линь Муцин уже очень долго. Она этого даже не заметила! Это говорило о том, что Линь Муцин действительно очень дорожит этой новостью, просто не говорит об этом вслух, притворяясь непреклонной.

— Учитель, ты хочешь узнать или нет?

— Если не хочешь, я пойду вниз и умру. Спасибо учителю, столько глаз на меня смотрит.

Беззаботно сказал Цзян Лэ.

— Не смей!

Линь Муцин инстинктивно остановила его, но вдруг заметила, что внизу, на помосте, голодные, как у волков, глаза уставились на Цзян Лэ. На мгновение в ее сердце появилось сожаление.

Будучи учителем, не слишком ли жестоко она поступает?

— Давай другое условие.

Линь Муцин глубоко вздохнула и серьезно сказала:

— Если ты хочешь опозорить меня таким способом, то не стоит.

— Одно псевдо-Небесное сокровище — и мы в расчете. Я дала Небесную клятву. Даже если понесу Небесную кару, я приму ее целиком, чтобы помочь тебе покинуть Секту Тайцинсюань.

— Это мое условие. В обмен на новость.

Цзян Лэ усмехнулся. В его глазах мелькнул странный смысл. Он крепко сжал руку Линь Муцин и заговорил низким голосом:

— Учитель, я никогда не унижал тебя.

— Ты самый, самый, самый важный для меня человек. Как я могу решиться разорвать с тобой отношения? В дни без тебя я каждый день сходил с ума, сходил с ума!

— Мое душевное состояние совсем не в норме. С какой стати ты хочешь разорвать со мной отношения? Неужели я не заслужил хоть маленького вознаграждения за новость, которую добыл ценой собственной жизни?

Линь Муцин была в смятении и не знала, что возразить. Она даже почувствовала, что ученик прав. Отводя взгляд, она виновато пробормотала:

— Здесь... здесь много людей!

— Если людей будет мало, то, может быть, и можно... Но, но только один раз, мы ведь все-таки учитель и ученик...

Заметив, что Цзян Лэ рассердился, Линь Муцин, испытывая странное чувство вины, тихонько

попыталась успокоить его.

— Нет!

Цзян Лэ приблизил свое маленькое личико, словно капризная маленькая девочка, и поспешно покачал головой.

— У моего хорошего учителя всего одно маленькое желание, ну исполни его для меня?

Линь Муцин стиснула зубы, будто приняв какое-то решение. Подобно стрекозе, коснувшейся воды, она чмокнула Цзян Лэ в щеку и быстро отстранилась. Ее лицо мгновенно залилось краской. В конце концов, это была маленькая ученица, которую она растила с детства. В душе возникло странное чувство.

Ученики боевых искусств внизу ясно видели эту сцену. Из уголков их ртов невольно потекли слюнки.

— Линь Муцин подбадривает своего ученика!

— Если бы это мне досталось! Даже если бы пришлось обнимать обеих, я бы согласился.

— Они всего лишь учитель и ученик, но обе — красавицы первого порядка в этом мире. Интересно, так ли силен Цзян Лэ, как расхваливает его Линь Муцин.

...

Чувства Линь Муцин были чрезвычайно остры. Она ясно слышала пересуды внизу, но, стиснув зубы, решила не обращать на них внимания.

— Все!

— Цзян Лэ, ты можешь теперь рассказать мне новость?

Цзян Лэ закусил губу и задумчиво сказал:

— Не могу. Если я останусь жив через шесть дней, вот тогда и расскажу.

Линь Муцин широко раскрыла глаза и гневно воскликнула:

— Ты обманул меня! Как и ожидалось, словам великого демона нельзя верить!

Цзян Лэ улыбнулся:

— Учитель, я же не сказал, что не расскажу. Просто расскажу через шесть дней. Или ты боишься, что я умру через шесть дней и не смогу рассказать тебе новость?

Линь Муцин презрительно фыркнула:

— Ты — такое бедствие для мира, как это ты можешь не прожить долго?

Цзян Лэ возразил:

— Взять, к примеру, сейчас: столько людей смотрит на меня с враждебностью, и даже когда ты, учитель, примешь следующие вызовы, мои шансы выжить неизвестны.

— Если я умру, ты будешь горевать?

— Нет! — ответила Линь Муцин и фыркнула: — Ты вполне можешь уклониться от боя. Это я дала Небесную клятву. Даже если будет Небесная кара, как она может пасть на тебя?

Хотя cultivation у Цзян Лэ был низким, его тон был необычайно властным.

— Учитель, как я могу позволить Небесной каре пасть на тебя? Ты — мой единственный учитель.

С этими словами, воспользовавшись моментом, когда Линь Муцин отвлеклась, Цзян Лэ крепко чмокнул ее. Его красные глаза изменились.

Пока Линь Муцин пребывала в оцепенении, Цзян Лэ серьезно сказал:

— Учитель!

— Ты — моя самая любимая, единственная и неповторимая!

— В этом бренном мире у меня есть три любви: солнце, луна и ты. Солнце — ради утра, луна — ради вечера, а ты — ради каждого утра и каждого вечера.

Голос Цзян Лэ был негромким, но его услышали все присутствующие. Головы всех учеников пошли кругом.

Они не совсем понимали, о чем говорит Цзян Лэ. В день рождения учителя ученик должен произносить почтительные слова, но эти слова звучали как-то странно. Совсем не как отношения учителя и ученика.

Что значит «три любви»? Солнце, луна и... разве это не две вещи?

Особенно последняя.

Боже! Как это стыдно...

— Ты...

Линь Муцин внезапно опомнилась, но не знала, что сказать. Ее сердце было потрясено до глубины души.

[Потрясение от Линь Муцин: +346 очков Удачи]

Этот глупый ученик! Когда он научился говорить так элегантно?

Особенно последняя фраза: «Ты — ради каждого утра и каждого вечера». Она заставила Линь Муцин оцепенеть, бешено отдаваясь эхом в ее сознании, никак не желая исчезать.

Когда она снова взглянула на него, Цзян Лэ уже спрыгнул с высокой платформы, готовый принять вызовы других гениальных учеников.

Громкие слова произнесла Линь Муцин.

Но в этот момент именно Цзян Лэ, будучи на Третьем Ранге Таинственной Сферы, разгребал последствия.

Сердце Линь Муцин мгновенно наполнилось бесконечным сожалением.

Даже если ему суждено умереть, он может умереть только от руки своего учителя, и ни в коем случае не должен быть запятнан кем-то другим.

<http://bllate.org/book/18893/1846399>